

Гражданская война 1847 года в Швейцарии

М.Н. Кубанова

К середине 40-х годов XIX в. в Швейцарии сложилась чрезвычайно сложная политическая ситуация. Федеральный Пакт 1815 г., принятый швейцарскими кантонами под присмотром великих держав, одержавших победу над Наполеоном и принявших новую венскую систему миропорядка, фактически реставрировал в стране старорежимные порядки, вернул власть аристократическо-олигархической верхушке и закрепил конфедеративное устройство государства, то есть фактическую автономию кантонов и слабость центральной власти. Это привело, в конечном итоге, к борьбе различных политических групп, и, прежде всего, аристократической, консервативной с демократической, которая вынуждена была передать в руки первых административную власть в кантонах. Кроме того, консервативная партия извне заручилась поддержкой европейских держав, а внутри страны ее активно поддерживало католическое духовенство, и в особенности орден иезуитов, осевший в ряде кантонов в 1818 году ¹.

В течение последующих десяти лет, вплоть до 1825 г., политическая борьба в Швейцарии шла с переменным успехом, но не выходила за пределы кантональных границ. С 1825 г. в стране заявило о себе либеральное движение, которое стало угрозой существующему порядку, поскольку выдвигало требование принятия новой конституции. За время с 1826 по 1830 г. в конституции ряда кантонов (Шафгаузена, Аппенцеля, Люцерна, Женевы, Тессина), под напором народного движения, были внесены некоторые важные изменения, касающиеся демократизации избирательной системы, искоренения коррупции, отмены жестких мер против периодической печати и въезда в страну иностранцев ². 16(4) февраля 1830 г. российский посол в Берне Д.П. Северин, делая отчет о положении дел в Швейцарии, без явного удовольствия констатировал факт преобразований, которые произошли в кантоне Во и некоторых других местах. Он писал о том, что в кантоне Люцерн принята уже новая конституция, «более свободная, чем прежняя», что реформы проведены также и в кантоне Обервальден, в католической части кантона Аппенцель, что в Базельском кантоне введена гласность заседаний Большого Совета, что «Цюрихский кантон обсуждает в настоящий момент новый регламент» ³. Позже, уже в донесении от 3 июля (21 июня) Северин сообщал, что теперь и «Тессинский кантон последовал примеру кантона Во и сделал

Кубанова Марина Назировна — кандидат исторических наук, докторант Ставропольского государственного университета.

свою конституцию более демократической». В то же время он с явным удовлетворением отмечал, что кантон Ааргау «поступил мудро, отвергнув значительным большинством голосов попытку изменить его конституцию»⁴.

Подобные стремления к демократизации политического строя приобрели еще более серьезную основу и еще более активизировались в Швейцарии под влиянием Французской революции 1830 года. Теперь голоса за политическое равноправие, за окончательную ликвидацию феодальных отношений, и за централизацию страны стали более настойчивыми. Как писал швейцарский историк Б. Ван Мюйден, «падение Карла X было смертельным ударом по старому режиму в конфедерации; ибо аристократические республики, лишённые нравственной поддержки Франции, не могли долго продержаться; победа французских либералов должна была повлечь за собой победу либеральной партии»⁵. Тем более, что теперь она с еще большей агрессивностью стала требовать изменений во внутреннем частном управлении и всеобщем государственном устройстве⁶. В результате, зревшее еще задолго до революции 1830 г., «ревизионистское движение», как назвал его Ван Мюйден, после июльской революции во Франции развернулось в большинстве швейцарских кантонов: «Швейцарии пошло на пользу это возбужденное состояние, она овладела собой и могла реорганизоваться по собственному желанию»⁷.

В конечном итоге, к концу 1830 г. революционная волна, пронесшаяся по кантонам Швейцарии несколько изменила политическую ситуацию в стране. Этому способствовало и решение Союзного сейма, принявшего на чрезвычайной сессии 27 декабря 1830 г. декрет, в котором говорилось: «Сейм освящает единодушно принцип, что каждому кантону союза, в силу его суверенитета, принадлежит право вносить в его конституцию изменения, признанные им необходимыми и целесообразными, если они не противоречат союзному договору. Вследствие этого, сейм не будет вмешиваться в подобные конституционные реформы, ни после их завершения, ни до этого»⁸. Таким образом, сейм с одной стороны, самоустранился от решения возникших проблем, а с другой — фактически дал добро на политические преобразования в стране в сторону ее демократизации. В результате, «если подсчитать народонаселение кантонов, изменивших в течение двенадцати месяцев свою конституцию, — писал Ван Мюйден, — то окажется, что они составляют более двух третей швейцарского народа»⁹. В стране стали на деле осуществляться демократические преобразования, бывшие «мечтой всех идеалистов», которые считали, что «демократическое существование» есть «исконное право швейцарского народа»¹⁰. С 1830 по 1833 г. в большинстве кантонов были приняты новые либеральные конституции, признающие суверенитет народа, равенство всех перед законом и свободу прессы.

«Происки революционной пропаганды, имеющие следствием раздоры и несогласия в Швейцарии» стали объектом исследования секретного донесения, поступившего в российский Генеральный штаб в 1832 году. В нем констатировалось, что «революционные правила проникли преимущественно в кантоны Цюрих, Берн, Люцерн, Арговию (Ааргау — М.К.), Сен-Галь (Санкт-Галлен — М.К.), Тюрговию (Тюргау — М.К.) и Солотурн (Золотурн)». Отмечалось, что эти «кантоны ныне соединены между собою особым актом (конкордатом)»¹¹. Действительно, в 1832 г. названные кантоны объединились для защиты своих демократических институтов против «интервенции конфедерации и великих держав»¹². Кантоны Во или Ваадт, Фрибург, Тессин, Аппенцель, Женева и Шафгаузен, как утверждал агент, «следуют более или менее внушениям демагогов», кантоны же Ури, Швиц и Унтервальден, «бывшие колыбелью независимости Швейцарии, сохраняют ненарушимо прежние уставы». К ним же примыкают Невшателль, Валлис и Граубюнден. Гларус и Цуг тоже близки им, но и они «уже колеблются в своих первобытных основаниях», а кантон Базель «служит театром раздоров противных партий»¹³. Эти последние семь консервативных кантонов (кроме Граубюндена) образовали собственный союз, названный *Sargnerbund*, по названию города Сарнен, в

котором был заключен. Вскоре он был объявлен незаконным, противоречащим Федеральному Пакту 1815 г., по которому запрещены любые «частные» союзы между кантонами, и был распущен в 1833 году. Но это не изменило положения вещей. Уже в начале 30-х годов стало ясно, что решение проблем, имеющихся в швейцарских кантонах, займет много времени, и примет характер достаточно длительного, затяжного процесса, в котором переплетутся самые разнообразные противоречия. В течение пятнадцати лет в стране не прекращались внутренние раздоры и распри, происходили внутрикантональные политические перевороты и даже военные столкновения. Этот период в истории Швейцарского союза был назван временем возрождения — *Régénération*.

Ситуация продолжала накаляться и в связи с тем, что швейцарские либералы, не останавливаясь на достигнутой в ряде кантонов победе на выборах в органы местного самоуправления, действовали крайне радикально, активно добиваясь укрепления центральной власти. Как писали Санкт-Петербургские ведомости, «первою заботою всех соединенных республик, было обсуждение и принятие проекта о единообразном установлении общего республиканского управления Союза»¹⁴. В 1832 г. цюрихский бургомистр М. Гирцель на собрании Гельветического общества высказался за создание новой конституции, выдвинув обоснованную аргументацию. «Нам, — заявлял он, — недостает совета, который бы представлял, главным образом, интересы швейцарской нации, а не многообразные интересы отдельных земель; в лице общешвейцарского совета нам нужен свободный голос, чтобы слово истины не пропадало бесследно, отвергнутое раньше, чем оно раздасется... Нам недостает независимой союзной администрации, которая бы исходила из выборов и основывалась на доверии не одного кантона, а всей Швейцарии». Кроме того, Гирцель указывал и на необходимость унификации всей страны, поскольку «до сих пор швейцарцу все еще закрыта часть его небольшого отечества для оседлости и свободного труда; все еще не обеспечено свободное передвижение из кантона в кантон продуктов нашего труда, нашей земли. В течение одного дня иноземец пройдет пять кантонов или даже больше и он, точно на смех, найдет в них столько же различных единиц меры, веса и денежных знаков»¹⁵. Действительно, в 20—40-х годах XIX века в Швейцарии не существовало единого национального рынка и единой денежной системы, что, конечно же, мешало развитию капиталистических отношений и, что, в свою очередь, очень хорошо понимали либералы-предприниматели. В результате подобных настроений, страна разделилась на централистов, сторонников централизации и унификации всей швейцарской жизни, и автономистов, желавших сохранить суверенитет кантонов.

Произошедшие изменения в кантональных органах власти, где на выборах победу одержали сторонники объединения и централизации, позволили либералам получить перевес и в Федеральном сейме. В итоге, 17 июля 1832 г. они добились принятия постановления о том, чтобы договор 1815 г. был пересмотрен, а сейм большинством в 13 1/2 голосов постановил учредить комиссию, которая должна была выработать проект пересмотра союзного договора¹⁶. Однако тогда эта попытка потерпела неудачу и проект пересмотра в 1833 г. был отвергнут, благодаря оппозиции в лице «здоровой части кантональных правительств»¹⁷, к которым российская дипломатия относил католические кантоны. Лишь через 15 лет, после длительного периода внутренних раздоров, швейцарцы вернулись к рассмотрению этого вопроса. Пока же, наряду с политической нестабильностью, страну стал расшатывать и религиозный конфликт. Два этих фактора тесно переплелись между собой, находясь во взаимозависимости, поскольку либерализация порядка в кантонах рассматривалась как возможная гарантия свободы вероисповедания и отделения церкви от государства.

Следует отметить, что Швейцария — это конгломерат трех-четырех лингвистических и двух религиозных групп. Если многоязычие не являлось препятствием для мирного сосуществования, то противоречие между двумя ос-

новными конфессиями Швейцарии породило в стране серьезнейшее противостояние.

В 1830 г. в исследовании «Статистика европейских государств в нынешнем их состоянии» профессор Санкт-Петербургского университета Е. Зябловский давал подробную справку о положении в Швейцарии дел с «церковным постановлением». Он писал, что «хотя все христианские секты (католическая и протестантская. — М.К.) терпимы, но господствующим вероисповеданием являются все кантоны, с тем различием, что в одном кантоне одна признана властвующей, в другом другая; есть кантоны, в коих оба вероисповедания суть равно главными»¹⁸. В 1823 г. чиновник Министерства иностранных дел А.Г. Глаголев отметил, что Фрибург «походит более на город испанский или итальянский: в одних стенах его находится семь монастырей», а двенадцать рассеяны «по разным местам кантона», что, по его мнению, являлось «несоразмерным с населением, простирающимся только до 55000 жителей»¹⁹. Огромное влияние в кантоне и городе имели иезуиты, которые, «отправляют должность профессоров в семинарии и гимназии», а «воспитанием юношества исключительно заведывают здесь монахи, которые заботятся не столько об образовании граждан, сколько о приготовлении каноников и клириков»²⁰. Побывавший в Швейцарии в 1833 г. А.И. Тургенев, описывая ситуацию вокруг созданного в 1831 г. в Цюрихе университета, отметил «главное неудобство учредить общий национальный университет», которое, по его мнению, заключалось в «разноязычии и разноверии кантонов». «Католики, — писал Тургенев, — недовольно просвещены, чтобы позволить детям своим учиться в протестантском университете; а особый университет для католиков строить трудно; ибо в католических кантонах вообще нет большой жажды в науках, и они довольствуются ... школами иезуитов»²¹. Поэтому, возникшие в стране впоследствии острые дебаты по вопросу об иезуитах рассматривали его с трех сторон: с конфессиональной, образовательной и политической²².

Между тем рост влияния ордена иезуитов в ряде кантонов страны и католической церкви в целом послужил причиной обострения взаимоотношений между католиками и протестантами. Следует отметить и тот факт, что в рассматриваемый период в численном отношении католики Швейцарии находились в меньшинстве. По данным российских газет и журналов, которые внимательно следили за ходом политической борьбы в швейцарских кантонах, к 1847 г. в стране проживало около 2,5 млн человек, из них протестантов — до 1,5 млн, католиков — около миллиона²³. Большинство католиков являлись жителями 9 моноконфессиональных сельских горных консервативных кантонов (Люцерн, Фрибург, Золотурн, Швиц, Ури, Унтервальден, Цуг, Тесин, Валлис) и одного полукантона Аппенцелля-Иннерроден. Протестанты здесь встречались крайне редко (4000). В основном они проживали в 8 либеральных кантонах (Берн, Цюрих, Гларус, Базель, Шафгаузен, Турггау, Ваадт (Во), Невшател) и во втором полукантоне Аппенцелля-Ауссерроден. В них, однако, встречались и католики, причем в значительном количестве (до 88 тыс. человек). Четыре кантона (Ааргау, Граубюнден, Сент-Галлен и Женева) уже тогда были смешанными, и в них проживало приблизительно равное количество представителей обеих конфессий. Именно эта категория кантонов и создала прецедент несогласия, который перерос в открытое противостояние как внутри отдельных кантонов, так и между ними — «внутренняя борьба партий усиливалась и обострялась. Она перешла теперь на почву церковных отношений»²⁴.

13 января 1841 г. в теперь уже демократическом кантоне Ааргау, новое либеральное руководство, обвиняя монахов в разжигании реакционного разногласия, приняло решение об упразднении всех мужских и женских католических монастырей. Именно их считали «источниками всех зол и проводниками консервативных настроений»²⁵. Вместе с тем, эти монастыри владели значительными поместьями и крупными капиталами. Все это вызывало неприятие со стороны протестантского населения и его представителей в

кантональном совете, которые, в результате преобразований, оказались в большинстве. В свою очередь католики кантона, недовольные победой протестантов и подстрекаемые иезуитами, попытались поднять восстание против правительства, которое было подавлено войсками. Воспользовавшись этим, и в качестве наказания, правительство упразднило монастыри и конфисковало все их имущество, доходившее до 7 млн франков²⁶.

Находившийся в это время в Ааргау Н. Греч отметил, что «монахам и монахиням назначили пенсии, а капиталы и поместья их отобрали в казну кантона, и роздали по общинам, на учреждение школ и на другие общепользные дела»²⁷. Кризис перерос из кантонального в общегосударственный, о нем писали все газеты, а общество разделилось на два лагеря. Так как все понимали, что решение ааргаусского совета шло в разрез с федеральным законом и с § 12 акта Венского Конгресса, «которым обеспечивалась неприкосновенность всякого имущества», и были нарушены права католических подданных, которых «стеснили в отправлении обрядов своей религии»²⁸, этот вопрос был передан в Союзный сейм. Католические кантоны, поддерживаемые Папой Римским и практически всеми союзными державами, выступили в поддержку монастырей и потребовали отмены указов. В сейме голоса разделились, вопрос обсуждался в течение двух лет. При этом, как отмечает Греч, «некоторые католические кантоны пристали к стороне ааргаусского правительства, а протестантские, напротив, вступились за монастыри». Этот парадокс он объяснял тем, что «вопрос сей есть более политический, и что неприкосновенность собственности монастырской должна служить только предлогом». Затем он сделал небезосновательный вывод: «Здесь спорят не католики с протестантами, а люди без мест с людьми при местах»²⁹. Так или иначе, после длительных дебатов Союзный сейм 31 августа 1843 г. большинством голосов подтвердил обоснованность притязаний правительства Ааргау на собственность монастырей, однако вынудил его пойти на частичные уступки и восстановить четыре женских монастыря. Консервативные кантоны уже тогда объявили, что если не будут восстановлены все монастыри, они готовы выйти из состава Союза.

Тем временем, и город Цюрих столкнулся с сильным религиозным противостоянием, которое было спровоцировано приглашением на кафедру богословия в новый университет доктора Штрауса, чье учение было достаточно спорным. Реакция была молниеносной. Город захватили 2000 человек, в основном из сельской местности, которые линчевали церковного министра. Подобные столкновения католиков и протестантов произошли в Бернском Оберланде, Санкт-Галлене, Золотурне и других местах. Все это только увеличило пропасть между двумя конфессиями.

Общеполитическая обстановка в стране еще более ухудшилась после того как в кантонах Валлис и Люцерн к власти пришли клерикалы. В Люцерне было создано консервативное правительство, поддерживаемое в основном сельским населением. Возглавившие его Д. Лей и К. Зигварт-Мюллер стали предпринимать шаги, которые можно было бы считать провокационными или провоцирующими на ответный ход, или даже мстью за закрытие католических монастырей. 24 октября 1844 г. большинством в 70 человек против двадцати четырех католики в Люцернском Большом Совете добились принятия решения о приглашении иезуитов преподавать в своих учебных заведениях³⁰. Это же сделали кантоны Швиц и Фрибург. На самом деле они не нарушили ни один швейцарский закон, поскольку правом кантона было определять собственную систему образования. Но парадокс состоял в том, что повсюду в Европе к этому времени иезуиты преследовались и изгонялись, а республиканская Швейцария протягивала руку поддержки «воинственной руке контрреформации» и поручала ей образование кантональной элиты³¹.

Теперь уже либеральные протестантские кантоны выступили с протестом, ссылаясь на то, что данное решение угрожает демократизации страны. Они считали, что таким образом Папа Римский сможет влиять на внутренние дела кантонов. Со стороны радикалов были даже предприняты попытки

свергнуть правительство Люцерн. В декабре 1844 г. так называемые вольные дружины из кантонов Ааргау и Люцерн попытались вооруженным путем изгнать иезуитов из города Люцерн, но потерпели поражение. В кантонах Берн и Цюрих состоялись народные собрания, которые направили сейму письменные просьбы о высылке иезуитов и пересмотре Федерального пакта. Второй поход формирований радикалов из Ааргау, Базеля, Золотурна и Берна состоялся 30 марта 1845 года. Инициатором и командующим этого похода был радикал из Берна У. Оксенбейн. Тогда же, как писал, явно симпатизировавший католикам Швейцарии профессор Главного педагогического института и директор Главного немецкого училища при Евангелической церкви Св. Петра Ф. Лоренц, Люцерн, «давно ожидавший нападения, успел приготовиться к защите, так что поход волонтеров кончился постыдным образом: потеряв 104 человека убитыми и 1785 пленными они в беспорядке отступили из люцернских владений»³². Это дало возможность католикам, и, прежде всего, иезуитам, некоторое время торжествовать. Началось преследование оппозиционно настроенных граждан, в результате чего несколько сот семейств вынуждены были эмигрировать³³.

Однако, после того как эти вопросы были вынесены на обсуждение Федерального сейма и он отверг все требования католиков, семь клерикальных кантонов — Люцерн, Ури, Цуг, Швиц, Унтервальден, Фрибург, Валлис (Вале) — тайно создали самостоятельную коалицию с целью недопущения федерализации страны. Образованная 11 декабря 1845 г. «сепаратистская лига» получила название «Зондербунд» («отдельный союз»). В тексте договора о создании альянса указывалось, что вышеперечисленные кантоны «берут на себя обязательства защищаться взаимно всеми средствами, которыми они располагают», как только один или несколько их кантонов будут атакованы и права их суверенитета будут нарушены. Создавался военный совет из семи человек, то есть по одному представителю от кантона, который должен был собираться в случае начала войны. Расходы на содержание войска должен был нести кантон, затребовавший помощи, и только в случае, когда расходы будут произведены «в общих интересах» они будут оплачиваться всеми кантонами из их казны³⁴.

До 1846 г. альянсу удавалось сохранять свое инкогнито, а его представители в сейме продолжали всячески отстаивать интересы католицизма и партикуляризма кантонов. Но после того, как 9 июня 1846 г. Большой Совет Фрибурга на своем заседании после десятичасовых споров ратифицировал договор о Зондербунде, о нем стало известно всей Швейцарии и, конечно, вызвало серьезное волнение и ухудшение и без того сложной внутриполитической и экономической ситуации. 31 августа Цюрих предложил сейму распустить Зондербунд, объявив его несовместимым с Федеральным Пактом 1815 г., что еще более накалило ситуацию. Политико-религиозное разделение с каждым днем проявлялось все резче. В ряде кантонов, например в Женеве, произошли революции, приведшие к смене правительства.

Тем временем приближался 1847 г., который стал годом самого серьезного кризиса, поставившего страну на грань распада.

1 января 1847 г. функции правящего кантона перешли от Цюриха к Берну, во главе которого находился У. Оксенбейн. Это обстоятельство сыграло не последнюю роль в радикализации настроений всего швейцарского сейма и, практически, не оставляло шанса католическим кантонам на сохранение Зондербунда и на распространение влияния иезуитов. Вместе с тем, переход властных полномочий породил у ряда европейских стран и России надежду на мирный исход событий. Его связывали с авторитетом Оксенбейна. 10 января 1847 г. Бернскому правительству была передана нота российского посланника Крюденера, в которой выражалось понимание, что Бернский кантон принимает «возлагаемые на него обязательства» при важных обстоятельствах, и высказывались заверения в «обычных благосклонных отношениях» со стороны России. Однако, в ноте недвусмысленно давалось понять, что эта поддержка будет оказываться лишь до тех пор, пока «основание, на котором

утверждена его (Берна. — М.К.) власть не будет потрясено в своей сущности или искажено в своем духе»³⁵, то есть войдет в противоречие с условиями союзного договора, подписанного 7 августа 1815 года. Подобную ноту передали Берну и посланники Австрийского и Прусского дворов. Что касается Англии, то несколько позже британским посланником Пилем Оксенбейну была передана нота, в которой признавалось, что «английскому правительству приятно видеть в голове конфедерации твердого человека»³⁶. Надежды, возлагаемые на Оксенбейна, были не совсем оправданными, но поддержка его партии со стороны британского кабинета была обеспечена, придавая ему уверенности и силы.

Первая половина 1847 г. была в Швейцарии временем напряженного ожидания. В сейме шли дебаты, а каждый отдельно взятый кантон стал задумываться о собственной безопасности.

Лишь 20 июля 1847 г. Федеральный сейм, где к этому времени перевес в 12 голосов был на стороне радикалов, потребовал от кантонов изгнания иезуитов, пересмотра кантональных конституций (где это еще не произошло) и, что особо важно, роспуска Зондербунда, объявленного недействительным и незаконным. Люцерн, возглавляющий Зондербунд, объявил, в ответ, о непреклонном намерении «отдельной лиги» «оставаться в полном и неизменном своем составе, несмотря даже на неодобрение Сейма». Кроме того, было заявлено, что «только силою оружия можно будет заставить союз Зондербунда разойтись»; «предписать или определить уничтожение его» значило, по мнению семи кантонов, «положить начало междоусобной войны, на которую, впрочем, Католический союз готов»³⁷. Таким образом, католические кантоны отказались выполнить требования сейма об изгнании иезуитов и роспуске Зондербунда, чем нарушили порядок, существовавший по пакту 1815 г., который гласил, что решение большинства кантонов является для меньшинства обязательным к исполнению. Они стали активно вооружаться, наряду с неторопливыми действиями союзного сейма, который пытался найти выход из ситуации. 11 августа 1847 г. сейм потребовал от семи кантонов немедленного разоружения, а на остальные возложил обязанность «задерживать все военные снаряды и оружие, которые станут провозить через них кантоны отдельной лиги»³⁸. Католические кантоны выступили против этого решения, однако оно вступило в силу. Через некоторое время стали поступать сообщения о том, что, например, в Тессинском кантоне был конфискован «транспорт с огнестрельными снарядами, назначавшийся для внутренней Швейцарии»³⁹. Кроме того, сейм начал использовать и экономические рычаги воздействия не только на отступников, но и на нейтральные кантоны.

К осени стало ясно, что войны в Швейцарии не избежать, теперь это было только делом времени. Показателем этого был и раскол в швейцарском генеральном штабе, 12 офицеров которого подали в отставку, аргументировав ее нежеланием «нарушать своих обязательств относительно отдельной лиги»⁴⁰. Среди них был и «начальствующий над войсками отдельной лиги» полковник Й.-У. Салис-Соглио.

Следующим этапом обострения конфликта было принятие сеймом 3 сентября окончательного решения по вопросу об иезуитах. Данная проблема была вновь включена в повестку заседания по предложению кантона Цюрих, поскольку, как выразились депутаты, пришло время «однажды навсегда решить этот вопрос и успокоить Швейцарию, чтобы третий раз не дошло до народного восстания» (имелись ввиду два похода волонтеров на Люцерн. — М.К.) Предлагалось: рассматривать дело иезуитов «применительно ко всему союзу»; Люцерну, Швицу, Фрибургу и Валлису «удалить иезуитов»; «каждое будущее принятие иезуитов в каком-либо кантоне» запретить «именем всего Союза». Несмотря на протест 7 кантонов, резолюция была поддержана большинством (12 1/2) голосов⁴¹.

Принятия этих декретов опасались как католики-консерваторы в Швейцарии, так и союзные державы, «гаранты Пакта 1815 года», которых подобные революционные преобразования явно не устраивали. Они внимательно

следили за ситуацией в стране и долго раздумывали о возможности вмешательства. Заранее предполагая, что сейм может принять вышеуказанные декреты, следствием которых будет «возникновение гражданской войны», они попытались, дабы «предупредить ее», воздействовать на сейм угрозой проведения совместной военной акции, мотивируя это тем, что «государства — гаранты пакта не допустят нарушения кем бы то ни было суверенитета кантонов и того, чтобы состояние мира, в котором пребывает Швейцария, было нарушено вооруженным путем»⁴². К счастью для Швейцарии, данная акция не состоялась из-за отказа Франции принять в ней участие. Что касается сейма, то он категорически отверг любое иностранное вмешательство во внутренние дела страны и разослал официальные сообщения во все представительства⁴³.

18 октября 1847 г. по предложению кантона Цюрих, сейм в последний раз предпринял попытку предотвращения вооруженного столкновения, по-слав, в качестве посредников, по два своих представителя (католика и протестанта) к правительствам каждого кантона — члена коалиции «для вразумления, научения, остережения»⁴⁴. Эта миссия не увенчалась успехом, так как уже на заседании сейма посланник Люцерн, «важнейшего места», заявил, что такая мера является «более возмутительной, чем примирительной»⁴⁵. Депутаты кантонов отдельной лиги в свою очередь озвучили инструкцию, которая была дана им их союзом. В ней выставлялись следующие требования: во-первых, немедленный роспуск войск (союзных. — М.К.); во-вторых, передача вопроса об иезуитах и ааргаусских монастырях на третейский суд Папы; в-третьих, обещание сейма о «ненарушимости верховной власти кантонов»⁴⁶. Видя, что сейм настроен по отношению к ним хоть и нерешительно, но негативно и не собирается выполнять указанные требования, 24 октября зондербундисты отозвали своих депутатов из сейма. Как сообщала газета «Северная пчела», 29 октября депутаты Зондербунда выехали из Берна, «даже не пообедав», сев «в экипажи немедленно по выходе из зала заседания»⁴⁷. Двое из них уехали во Франкфурт «для заключения там займа в 3 млн франков у дома Ротшильдов». Далее делался вывод: «По этому положению дел, к несчастью, нельзя сомневаться в немедленном открытии военных действий, и в величайшем бедствии, угрожающем Швейцарии — междоусобной войне!»⁴⁸. Это почувствовали и посланники иностранных государств, которые покинули Швейцарию в конце октября.

К этому времени подготовка к войне велась в обоих лагерях, что констатировали местные и зарубежные наблюдатели. 21 октября «Русский инвалид», ссылаясь на франкфуртскую «Ober-Postams-Zeitung», сообщала: «В Берне решается вопрос о мире и войне..., союз стоит на той точке, на которой во всех отношениях речь идет для него о „быть или не быть“... Уже со всех сторон занимают приготовления к войне»⁴⁹.

Еще 6 октября главный кантон Зондербунда Люцерн издал прокламацию, в которой говорилось о том, что избежать войны, которую, подчеркивалось, «захотят объявить 12 радикальных» кантонов, не удастся; не следует обманываться, не следует «искать мира там, где его не найдешь», а нужно готовиться к войне. Указывая на существование союзников, она призывала народ обратить взоры туда, «откуда солнце при восходе своем посылает свое утреннее приветствие, и где прежде всего взошло солнце нашей всеобщей свободы — на первозданные горы Швейцарии! Там живут вам союзные, одинаково с вами мыслящие народы, единодушно восстают они и клянутся перед Богом и начальством, до последней капли крови защищать свою веру и свободу». Речь шла о «воинственном народе» Валлиса, о «храбрых жителях» кантона Фрибург и «дружественном соседе» Цуге, которые пойдут на «брань за свои угрожаемые права...»⁵⁰. Подобные воззвания обнародовали и другие кантоны альянса. «Поспешим на предстоящую битву мужественно и неустрашимо и по примеру отцов наших не будем считать числа неприятелей», — призывали жителей Швица⁵¹.

К середине октября в Люцерн стали подтягиваться войска со всех зондербундистских кантонов. Причем состав войск сильно отличался от 1845 г.,

когда произошли столкновения с волонтерами и отряды формировались исключительно из молодых людей. Теперь «все солдаты отборнейшие и старейшие взялись за оружие»⁵².

Союзный сейм также стал активно готовиться к возможному военному столкновению. Прежде всего, он начал высылку иезуитов и созыв войск в своих кантонах. 21 октября 1847 г. главнокомандующим федеральной армией, несмотря на сопротивление кантона Берн, желавшего видеть на этом посту своего лидера Оксенбейна, сейм назначил генерала Г.-А. Дюфура (1787—1875), в свое время обучавшегося военному искусству во Франции и прошедшего школу войны в армии Наполеона. Для него назначение на этот пост было весьма неожиданным. Будучи уже в весьма преклонном возрасте, Дюфур, вероятно, надеялся, что в этой войне обойдутся без него. Возможно поэтому известие о назначении вызвало у него легкий шок, «он упал в обморок и его принуждены были унести в спальню»⁵³. Сначала Дюфур даже отказался от этой миссии, но затем, после долгих колебаний, все же, согласился, отослав сейму письмо, в котором заверял, что будет «стараться поддерживать и сохранять порядок и дисциплину в федеральных войсках и все делать, чтобы смягчать неприятности, вызванные войной»⁵⁴. 25 октября Дюфур принес клятву конфедерации, 26 октября был сформирован командный состав, а 30 октября сейм объявил всеобщую мобилизацию.

Главнокомандующего армией Зондербунда выбирали долго. Зигварт-Мюллер вначале подумывал о приглашении на эту должность иностранца, например, поляка Д. Шлаповского или австрийца Ф. фон Шварценберга⁵⁵. Но большинство кантонов настояли на командующем-швейцарце. После долгих дебатов остановились на отставном полковнике Й.-У. Салисе-Соглио, который во время Наполеоновских войн служил в армиях Баварии и Голландии. 15 января 1847 г. он принял клятву и возглавил армию Зондербунда. Сравнивая таланты и возможности двух командующих, большинство исследователей сходились на том, что Салис-Соглио «далеко уступал Дюфуру в способностях и славе»⁵⁶.

Мобилизация в армию Зондербунда началась еще 19 октября после принятия решения о формировании войска на референдумах и ландсгеймиде всех кантонов, входящих в союз. В результате, они собрали, по разным данным, от 30 до 47 тыс. человек⁵⁷. В то же время федеральная армия генерала Дюфура могла противопоставить 50 тыс. человек. Однако на заседании сейма 31 октября было принято решение, что только «по созвании 100 000 человек войска начнутся военные движения»⁵⁸. Впрочем, и Зондербунд, и федеральные войска рассчитывали еще на резервы, а также на мобилизацию всего ландштурма, то есть вооружение всех мужчин, способных носить оружие. Зондербунд, кроме того, надеялся и на иноземную помощь: по словам Ш. Сеньобоса, Меттерних «прислал ему генерала Шварценберга с боевыми запасами и 40 000 флоринов, а Луи-Филипп 3000 ружей и пушки»⁵⁹. По другим данным «число ружей, пересланных французскими арсеналами в кантоны Зондербунда, простирается до 25 000, кроме того были доставлены 45 полевых и осадных орудий»⁶⁰. Но этой помощью они не успели воспользоваться.

2 ноября был утвержден план военных действий генерала Дюфура. Все кантоны были готовы к войне. В ряде мест уже даже создавались «общества в пользу будущих раненых, вдов и сирот» на средства жителей, которые «изъявляли готовность жертвовать по 5 % из годовых своих доходов»⁶¹.

Между тем в Тессине, на Сен-Готарде, уже начались вооруженные столкновения. Для поддержания морального духа граждан кантоны прибегали к воззваниям и прокламациям. Например, правительственный совет кантона Цюрих обнародовал обращение к согражданам, в котором последние призывались «с радостью» принести жертвы, требуемые от них отечеством. «Дело идет о его чести, о благосостоянии, о сохранении», — говорилось в воззвании. Жителей призывали проявить «согласие, решимость, мужество, твердость, бескорыстие и верную преданность», которые «облегчат всякие жертвы и ... поведут к миру и лучшей будущности»⁶².

4 ноября 1847 г. сейм принял решение о начале военных действий против Зондербунда, аргументировав его тем, что, как было заявлено в Прокламации, правительства Зондербунда нарушили свои обязательства по отношению к Швейцарской Конфедерации, порвали с ней все отношения и взяли в руки оружие. В то же время в документе подчеркивалось, что те граждане кантонов сепаратистского альянса, которые будут считать себя «открытыми для Конфедерации», получат ее поддержку. Обращаясь к армии, сейм призывал ее помнить, что швейцарские солдаты всегда отличались своей образцовой дисциплиной, и выражал надежду, что и в этой войне они сохранят репутацию. Для поднятия боевого духа войск, сейм указывал на то, что вся Швейцария и ее народ смотрят на них и оказывают неограниченное доверие их мужеству и самоотверженности. «Фанатизму ваших оппонентов, — говорилось в обращении, — вы противопоставите свое хладнокровие, спокойную энергию, мужество, которое владеет вами, и энтузиазм, который дает осознание важности случая и исполнения долга». Цель борьбы определялась несколькими словами: целостность общей родины, ее суверенитет, свобода, порядок и безопасность. Именно для того, чтобы сохранить все это и ликвидировать поджигателей раздора и спасти Швейцарию от анархии, вся армия, согласно Прокламации, и собирается под красно-белым знаменем с крестом, которое является эмблемой веры, союза и отваги⁶³.

В то же время, следует признать, «целью военной операции являлось не уничтожение противника, а примирение и обновление основы для дальнейшего сотрудничества»⁶⁴, в связи с чем солдат призывали помнить, что воевать им придется с людьми, которые, в большинстве своем, введены в заблуждение, которые являются их братьями, и которых они должны заставить вернуться в лоно конфедерации, вспомнив свой долг⁶⁵. Поэтому понятен приказ Дюфура, который он отдал незадолго до выступления против зондербундистов: «Ничего не разрушайте без нужды, ничего не транжирьте; одним словом, ведите себя так, чтобы постоянно заслуживать уважение и быть достойными имени, которое носите»⁶⁶. Он требовал от солдат щадить раненых, заключенных и тех, кто был беззащитным, а также не богохульствовать и не разорять церкви»⁶⁷. Эта политика положила начало созданию Организации Красного Креста, соучредителем которой и стал Дюфур. Такая щадящая тактика, как утверждали современники, позволила сохранить жизни многим десяткам тысяч солдат и не вызвать ненависти к армии со стороны населения восставших кантонов.

Гражданская война в Швейцарии началась нападением армии сейма на кантоны Тичино и Ааргау. После этого, 12 ноября, федеральные отряды осадили Фрибург, власти которого подписали капитуляцию уже 14 ноября. Это стало неожиданностью для солдат и офицеров, которые разбивали свое оружие и жгли эполеты и знамена. Последовавший затем триумфальный проход по городу частей федеральной армии (14 тыс. человек) стал психологическим ударом не только для жителей Фрибурга, но и для всех кантонов Зондербунда⁶⁸. Цуг сдался без боя 22 ноября. На границах между Цугом и Люцерном, и между Берном и Люцерном было несколько сражений. 23-го ноября армия Дюфура одержала победу при Гисликоне, открыв путь на Люцерн, из которого к тому времени бежали власти и иезуиты. Город был оставлен на произвол судьбы, поэтому сдался без борьбы 24 ноября. После этого и другие кантоны-сепаратисты вынуждены были покориться.

29 ноября торжественно, «во главе 12 000 человек пехоты, стрелков и артиллерии, предшествуемый захваченными знаменами и другими трофеями», в Берн вернулся полковник Оксенбейн, командовавший резервными войсками. Как писали газеты, «прохождение сих войск продолжалось более двух часов»⁶⁹. В то же время, без особой помпы, скромно, без сопровождения, в Берн в этот день приехал и Дюфур, командовавший действующей армией. 30 ноября 1847 г. в депеше временному поверенному в делах России во Франции Н.Д. Киселеву министр иностранных дел России К.В. Нессельроде написал, что «в настоящее время Швейцария объята огнем, и грубая

сила, возможно, уже разрешила вопрос в пользу радикализма»⁷⁰. Тогда же, 30 ноября, после сдачи Валлиса (Вале) война официально закончилась, хотя вооруженные столкновения в ряде кантонов еще продолжались.

Картину последующих событий нарисовал известный российский педагог К.Д. Ушинский, уделивший истории Швейцарии немало места в дневниковых записях. Несколько преувеличивая, что «католические города встречали войска союза как освободителей», он был совершенно прав, утверждая, что, в итоге, «католические правительства и иезуиты бежали, а когда всегда расчетливый швейцарец счел, во что обошелся ему католический энтузиазм и дурное управление католических правительств, то крайне рассердился на поджигателей: конфисковал их имения для уплаты военных издержек, уничтожил монастыри, отдавал их под школы»⁷¹. Все это, однако, делалось с ведома Союзного сейма, который на заседании 2 декабря принял решение о наказании кантонов Зондербунда, заключавшее в себе три основных пункта: «1) кантоны отдельной лиги должны заплатить за все убытки, причиненные их войсками; 2) 20 декабря они должны внести 1 млн франков; 3) до совершенной уплаты всей суммы кантоны отдельной лиги будут заняты союзными войсками...»⁷². Таким образом, кантоны отдельной лиги обязаны были выплатить контрибуцию. Но сумма, указанная в этом решении, не была окончательной. Доклад об издержках, представленный советником Стемпли, включал в себя следующие расходы на содержание армии, которые должны были возместить кантоны Зондербунда: «Содержание 50 000 человек до 10 ноября — 985 000 франков; 90 000 человек до 3 декабря — 2 178 000 франков. Всего до 3 декабря — 3 163 000 фр. Дальнейшее занятие кантонов Зондербунда войском в 50 000 человек в продолжении одного месяца будет стоить 1 818 000 фр. В итоге, общие расходы экспедиции составили 5 011 000 фр. Из этой суммы следует исключить издержки кантонов Зондербунда на продовольствие армии, простиравшееся до 900 000 фр. Всего остается уплатить 4 111 000 фр.»⁷³. Если учесть еще и материальный ущерб, то общая сумма контрибуции, наложенной победителями на побежденных, составила шесть миллионов франков. Эту сумму должны были выплатить кантоны, участвовавшие в войне на стороне Зондербунда. Большую ее часть должен был оплатить Люцерн — 2 132 000 франков⁷⁴. Не остались без штрафных санкций и те кантоны, которые были нейтральными: до 20 декабря 1847 г. кантон Невшатель выплатил 300 тыс. франков, а полукантон Аппенцелля Иннерроден (Внутренний Роден) — 15 тыс. франков.

Кроме того, в ряде кантонов, новые либеральные правительства стали наводить порядок, призывая к ответу участников и сторонников Зондербунда. Например, во Фрибурге под суд, «за государственную измену» и «учреждение Зондербунда» было отдано 82 человека⁷⁵. Правда, летом 1848 г. их помиловали, издав «повеление о всепрощении», но наложили контрибуцию в 1 млн 600 тыс. франков, которые должны были быть выплачены в пять этапов⁷⁶.

Такова была расплата зондербундистских кантонов за попытку сепаратизма и развала конфедерации. В целом, за свою целостность Швейцария заплатила жизнью, по разным источникам⁷⁷ от 86 до 150 человек, от 435 до 552 были ранены⁷⁸. Большинство потерь выпало на долю федеральной армии.

Победа над Зондербундом явилась победой радикального либерализма над консервативной партией, лидеры которой вынуждены были признать поражение и тактические ошибки, но не смирились с новой властью. Сторонник Зондербунда, историк Ф.А. фон Сегессер после окончания войны писал, что формирование отдельной лиги было политической ошибкой, потому что это изолировало семь кантонов от их консервативных друзей в других местах и предоставило ее врагам предлог для уничтожения этих «самых древних народов Конфедерации»⁷⁹. Другой лидер Зондербунда, Ф. фон Элгер, оглядываясь назад, написал: «Я боролся и пострадал не просто как член партии, но как гражданин Люцерна за наших хороших и храбрых людей, и как швейцарец за древнюю Конфедерацию, за наследие наших отцов, за ис-

тинную свободу, за независимость нашей родины. Для этой возвышенной цели я пожертвовал будущим моих детей и кровью моего сына. Судьба осудила меня переживать день позора, но все же я стою с чистой совестью, и я бросаю мой сломанный меч на гроб старой Швейцарии»⁸⁰. Несогласный со стремлениями радикалов, которые расценивались им как неискорененные космополиты и как представители антихриста, лидер зондербундистов К. Зигварт-Мюллер видел в борьбе с ними борьбу между правом и силой. «Централизация всюду, — писал он, — убивает свободу людей, а независимость государства от церкви и церкви от государства приводит к распаду христианства, которое имеет мировую миссию распространяться по миру и поддерживать все социальные отношения»⁸¹.

Так или иначе, но Зондербунд был побежден, а его лидеры и множество их сторонников покинули пределы Швейцарии в поисках пристанища в других католических странах, прежде всего в Италии. Например, Зигварт-Мюллер был принят на службу в Папскую гвардию, а Салис-Соглио уехал в Милан, поступив на службу в Австрийскую армию.

Гражданская война в Швейцарии закончилась, начался новый период в истории страны — эра либеральной свободы⁸². Было восстановлено единство страны, узаконена свобода вероисповедания, церкви уравниены в правах, началась либерализация всей жизни швейцарского общества. После победы швейцарские либералы вновь инициировали вопрос о пересмотре Федерального Пакта и принятии новой конституции. Вступив в действие 12 сентября 1848 г., согласно ее положениям, Швейцария была преобразована из конфедерации в федерацию, из союза государств в союзное государство. Либералы использовали возможность усилить центральную власть, предоставив, при этом, и кантонам значительные полномочия.

Стоит согласиться со швейцарским писателем А. Мушгом, который утверждает, что «единство Швейцарии в XIX веке с большей эффективностью было достигнуто ее армией, нежели патристической риторикой»⁸³. Несмотря на жесткость формулировки, «игра стоила свеч». Именно гражданская война 1847 г. явилась катализатором дальнейшей либерализации политического развития и экономического роста страны. Война хоть и носила номинально религиозный характер, но подоплека у нее все же была экономическая: консервативные католические кантоны были озабочены «вторжением фабрик и железных дорог», ростом индустриализации страны. Теперь свободный экономический обмен и свобода предпринимательской деятельности стали нормой жизни. Новая конституция создала условия для реализации еще одной важнейшей цели либералов — экономической интеграции, открывшей границы кантонов и уничтожив преграды для создания единого внутреннего рынка. Все это в целом привело к стремительному экономическому росту.

Таким образом, последствия гражданской войны 1847 г. в Швейцарии равнозначны результатам, достигнутым в других странах путем революционных преобразований. В связи с этим многие исследователи высказывают мысль о том, что события 1847 г. в швейцарских кантонах стали прообразом революций, произошедших в Европе в 1848 году. Швейцария сыграла на опережение и это спасло ее от вмешательства извне, от той участи, которая постигла все революционные преобразования в странах Запада. После поражения революций 1848—1849 гг. Швейцария осталась единственным демократическим, республиканским островом в центре монархической Европы. Она смогла отстоять собственные завоевания и стала развиваться по тому пути, который избрала для себя сама, а не европейские державы, как это было сделано в 1815 году.

Примечания

1. Санкт-Петербургские ведомости, 3.II.1848.
2. МОЛОК А.И. Июльская революция во Франции 1830 г. и Швейцария. — Новая и новейшая история, 1999, № 1, с. 196.
3. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. 133, оп. 469, д. 41, л. 40б.; МОЛОК А.И. Ук. соч., с. 196.
4. Там же.
5. ВАН МЮЙДЕН Б. История швейцарского народа. СПб. 1902. Т. III, с. 199.
6. Санкт-Петербургские ведомости, 3.II.1848.
7. ВАН МЮЙДЕН Б. Ук. соч., с. 199.
8. Цит. по: БОРЖО Ш. Учреждение и пересмотр конституций в Америке и Европе. СПб. Б.г., с. 96.
9. ВАН МЮЙДЕН Б. Ук. соч., с. 213.
10. РЮЛЬМАН П. Идея гражданского воспитания в Швейцарии. М. 1914, с. 7.
11. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 443, оп. 1, д. 1, л. 9.
12. KOHN H. Nationalism and Liberty. The Swiss example. London. 1856, p. 99.
13. РГВИА, ф. 443, оп. 1, д. 1, л. 10.
14. Санкт-Петербургские ведомости, 3.II.1848.
15. Цит. по: КУРТИ Ф. История народного законодательства и демократии в Швейцарии. СПб. 1900, с. 114.
16. Там же, с. 109.
17. АВПРИ, ф. 137, оп. 475, д. 3, л. 108.
18. ЗЯБЛОВСКИЙ Е. Статистика европейских государств в нынешнем их состоянии. СПб. 1830, с. 77.
19. ГЛАГОЛЕВ А. Записки русского путешественника. СПб. Ч. 2. 1845, с. 137.
20. Там же, с. 138.
21. ТУРГЕНЕВ А.И. Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.). М.—Л. 1964, с. 31.
22. Rapport et préavis du Conseil D'Etat au Grand Conseil du canton de Vaud sur les instructions a donner a la députation a la Diète extraordinaire convoquée a Zurich pour le 24 février 1845. Lausanne. 1845, p. 15.
23. К сожалению, российские издания, даже ссылаясь на «достоверные», «официальные» источники, как швейцарские, так и немецкие, давали самые различные цифры. Например, «Русский инвалид» за 26 октября 1847 г., со ссылкой на франкфуртскую газету «Ober-Postams-Zeitung», называет следующие данные: всего населения 2 498 295 человек, протестантов — 1 506 640, католиков — 988 568, 3087 человек — иудеи; «Северная пчела» за 12 ноября 1847 г. дает несколько иные цифры: соответственно 2 363 830 (без учета еврейского населения), 1 365 130, 998 600, а «Санкт-петербургские ведомости» за 1 февраля 1848 г. при общей численности в 2 млн 500 тыс. человек, католиками называет 900 тыс. жителей.
24. ГРАДОВСКИЙ А. Государственное право важнейших европейских держав. Т. 1. Часть историческая. СПб. 1886, с. 583.
25. History of Switzerland. Switzerland's Way towards the Federal Constitution of 1848 (См.: <http://history-switzerland.geschichte-schweiz.ch/history-constitution-switzerland.html>).
26. ТОРСОЕ А. История новейшего времени. 1815—1916. Пг. Б.г. Т. 1, с. 197.
27. ГРЕЧ Н. Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии. В 3-х т. СПб. 1843. Т. 1, с. 239.
28. Там же.
29. Там же.
30. ТОРНАУ Н. Политические партии в Швейцарии. — Санкт-Петербургские ведомости, 4.II.1848.
31. BIRMINGHAM D. The 1848 Unification of Switzerland. — History today, 1995, Vol. 4, № 9, p. 39.
32. ЛОПЕНЦ Ф. Новейшая история от Венского конгресса до Парижского мира 1856 г. СПб. 1860, с. 217.
33. ТОРНАУ Н. Ук. соч., с. 112.
34. L'alliance du Sonderbund (11 décembre 1845). В кн.: Documents d'histoire Suisse 1798—1847. Sierre. 1969, p. 121—122.
35. Цит. по: «Сын отечества», 1847, кн. 2, отдел 2, с. 37.
36. Русский инвалид, 25.VIII.1847.
37. ТОРНАУ Н. Ук. соч., с. 112.
38. Русский инвалид, 12.VIII.1847.
39. Там же, 29.VIII.1847.
40. Там же, 12.VIII.1847; 14.VIII.1847.
41. Там же, 5.XIX.1847; 6.XIX.1847.

42. Россия и Швейцария. 1813—1955. Документы и материалы. М. 1995, с. 94.
43. О получении подобного заявления российским посланником П.А. Крюденером см.: Россия и Швейцария..., с. 95.
44. Русский инвалид, 18.X.1847.
45. Там же.
46. Северная пчела, 29.X.1847.
47. Там же.
48. Там же.
49. Русский инвалид, 21.X.1847.
50. Там же, 15.X.1847.
51. Санкт-Петербургские ведомости, 7.XI.1847.
52. Русский инвалид, 28.X.1847.
53. Санкт-Петербургские ведомости, 5.XI.1847.
54. Цит. по: http://fr.wikipedia.org/wiki/Guerre_du_Sonderbund
55. Там же.
56. ЛОПЕНЦ Ф. Ук. соч., с. 217.
57. См.: <http://hypo.ge-dip.etatge.ch/www/cliotexte/gif/suisse.sonderbund.1847.jpg>; ACHERMAN E. Kleine Schweizergeschichte. Hochdorf. 1964, p. 182.
58. Северная пчела, 31.X.1847.
59. СЕНЬОБОС Ш. Политическая история современной Европы. СПб. 1907. Т. 1, с. 233.
60. Северная пчела, 11.XI.1847.
61. Санкт-Петербургские ведомости, 7.XI.1847.
62. Там же, 5.XI.1847.
63. La proclamation de la Diète fédérale du 4 novembre 1847. В кн.: Documents d'histoire Suisse 1798—1847, p. 126.
64. НЕФ Р. Да здравствует нонцентрализм. М. 2002. Вып. 12, с. 59.
65. La proclamation de la Diète fédérale du 4 novembre 1847..., p. 126.
66. Цит. по: НЕФ Р. Ук. соч., с. 59; См. также: ACHERMAN E. Op. cit., p. 269.
67. ACHERMAN E. Op. cit., p. 269.
68. La capitulation de Fribourg (14 novembre 1847). В кн.: Documents d'histoire Suisse 1798—1847, p. 128.
69. Северная пчела, 2.XII.1847.
70. Россия и Швейцария. 1813—1955..., с. 95.
71. УШИНСКИЙ К.Д. Педагогическая поездка по Швейцарии. Собр. соч. В 11 т. М.—Л, 1948. Т. 3, с. 62.
72. Русский инвалид, 4.XII.1847.
73. Санкт-Петербургские ведомости, 10.XII.1847.
74. CRÉTINEAU — JOLY J. Histoire du Sonderbund. 2 v. Paris. 1850. Vol. 2, p. 503.
75. Северная пчела, 11.XII.1847.
76. Московские ведомости, 6.VI.1848.
77. См.: <http://history-switzerland.geschichte-schweiz.ch/index.html>; <http://hypo.ge-dip.etat-ge.ch/www/cliotexte/gif/suisse.sonderbund.1847.jpg>; ACHERMAN E. Op. cit., p. 182; KOHN H. Op. cit., p. 103; BOUQUET J.-J. Histoire de la Suisse. Paris. 1995, p. 78.
78. См.: KOHN H. Op. cit., p. 103; ACHERMAN E. Op. cit., p. 182; <http://hypo.ge-dip.etat-ge.ch/www/cliotexte/gif/suisse.sonderbund.1847.jpg>; <http://history-switzerland.geschichte-schweiz.ch/index.html>.
79. KOHN H. Op. cit., p. 101.
80. Цит. по: KOHN H. Op. cit., p. 102.
81. Ibid.
82. Ibid., p. 104.
83. МУШГ А. Ядро Европы. — Отечественные записки, 2003, № 6.